

СЛОВО ПРОТИВ РЕЖИМА: СВОБОДА СОВЕСТИ И ДИССИДЕНТЫ НАКАНУНЕ РАСПАДА СССР

Алексина Арина Константиновна,
Аспирант, Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет (ПСТГУ)
mandarinkas13@mail.ru

WORD VS REGIME: FREEDOM OF CONSCIENCE AND DISSIDENTS ON THE EVE OF THE COLLAPSE OF THE USSR

A. Aleksina

Summary: This article examines the key aspects of the relationship between dissidents and authorities regarding the issue of religious freedom on the eve of the dissolution of the USSR. Since 1918, Soviet citizens had been guaranteed freedom of religion, but in reality, the inhabitants of the Soviet Union were leaning towards a scientific and materialistic worldview under pressure. Freedom of conscience in practice was a real freedom only for atheists. The dissident movement and its struggle for the rights and freedoms of believers played a crucial role in the formation of a new spiritual identity after the end of the Soviet era. The study, based on an analysis of various Samizdat publications, emigrant magazines, and eyewitness memoirs, examines the reaction of Soviet society to the activities of dissidents and the development of public discourse on religious freedom by the time of the collapse of the USSR. The shift in public opinion towards the political opposition during the period of glasnost, which followed perestroika, led to a transformation of spiritual and cultural life in post-Soviet Russia. The reform of laws in the early years after the dissolution of the Soviet Union laid the groundwork for the future development of freedom of religion and belief in Russia.

Keywords: freedom of conscience, the collapse of the USSR, late Soviet discourse, human rights defenders, dissidents, samizdat, religious freedoms, the law on freedom of conscience.

Аннотация: В данной статье рассматриваются ключевые аспекты взаимодействия между диссидентами и властью в контексте борьбы за свободу вероисповедания в позднесоветский период. С 1918 года советским гражданам была гарантирована свобода вероисповедания, однако в действительности жители Советского Союза под давлением склонялись к научно-материалистическому мировоззрению. Свобода совести на практике была действительной свободой лишь для атеистов. Диссидентское движение и его борьба за права и свободы верующих сыграли решающую роль в формировании новой духовной идентичности после окончания советской эпохи. В исследовании, основанном на анализе различных самиздатских публикаций, эмигрантских журналов и воспоминаний очевидцев, рассматривается реакция советского общества на деятельность диссидентов и процесс развития общественного дискурса о свободе вероисповедания к моменту распада СССР. Движение общественного мнения навстречу оппозиционно настроенному меньшинству в эпоху гласности привело к постперестроечной трансформации духовной и культурной жизни. Реформы в области законодательства, проведённые в первые годы после распада СССР, создали основу для дальнейшего развития свободы вероисповедания и убеждений в стране.

Ключевые слова: свобода совести, распад СССР, позднесоветский дискурс, правозащитники, диссиденты, самиздат, религиозные свободы, закон о свободе совести.

Введение

В настоящей статье мы рассмотрим позднесоветский период в ракурсе столкновения мнений различных представителей общественности СССР. Анализ советской практики реализации права на свободу совести, осуществлённый с помощью дискурсивного метода, позволяет углубить понимание взаимодействия государственной власти и диссидентских движений. Изучение этой стороны советской истории актуально, так как позволяет рассмотреть процессы определения и осмысления свободы совести в условиях тоталитарного режима, а также выяснять, какие позднесоветские элементы наследует современное российское общество. Главной задачей для нас является ответ на следующий вопрос: как деятельность диссидентов по решению проблемы свободы совести отразилась на позднесоветском обществе и новых законодательных инициативах после распада СССР?

Советское государство в период своего существования и после его распада критиковалось другими государствами из-за различных нарушений прав человека. В системе гражданских прав и свобод право на свободу совести занимает особое место. С одной стороны, в широком ключе, право на свободу совести коррелирует с возможностью предоставления человеку располагать личными убеждениями, руководствоваться ими в реализации основных процессов своей жизнедеятельности. С другой стороны, в более узком ключе, это право предполагает предоставление человеку возможности свободы вероисповедания.

В статье будет рассмотрено, как диссидентское движение, борясь за свободу совести, влияло на позднесоветское общество и последующие законодательные акты. Советская власть, формально гарантируя свободу совести в Конституции, на практике жестко контролировала религиозную и инакомыслящую деятельность.

Диссиденты, действуя вне правового поля, использовали различные методы: открытые протесты, подпольную печать («самиздат»), обращения в международные организации. Их деятельность встречала жестокий ответ со стороны КГБ, а также создавала трещину в идеологической монополии государства. Информация о нарушениях прав человека, распространяемая диссидентами за рубежом, подрывала международный имидж СССР и создавала давление на советские власти. Гласность, начавшаяся в середине 1980-х, невольно создала пространство для обсуждения проблем свободы совести. Это привело к принятию Закона о свободе совести в РСФСР и других законодательных актов. Борьба за свободу совести, начатая диссидентами в позднесоветский период, оказала существенное влияние на формирование правового поля современной России.

1. Теоретическое основание свободы совести в позднем СССР

В доперестроечный период Советского Союза право на свободу совести интерпретировалось в весьма узких рамках и означало право выбора человеком системы религиозных убеждений, исповедания какой-либо религии или принятия атеистических установок. Согласно официальному дискурсу, начиная с принятого в 1918 году декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и закрепления советской Конституцией того же года принципа, советским гражданам гарантировалась «действительная свобода совести» [19, с. 15]. По статьям 14 и 15 Конституции 1918 года, свобода совести обеспечивалась только трудящимся гражданам, а статья 13 закрепляла принцип отделения церкви от государства и школы от церкви [15]. Свобода осуществления религиозной и антирелигиозной пропаганды признавалась за каждым человеком. Позднее был издан декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в соответствии с которым закреплялось право исповедовать абсолютно любые религиозные установки или не придерживаться религиозных убеждений. Однако подлинной и всеобъемлющей свободы вероисповедания не наблюдалось ни в первые годы советской власти, ни в последующие.

Здесь мы обнаруживаем целый пласт проблем, возникших в контексте антирелигиозной политики. В первую очередь, это было связано со стремлением советской власти сохранить собственную монополию легальности, подавив конкурирующие идеи и любое инакомыслие и тем самым обеспечить тотальный идеологический контроль над обществом.

В соответствии с постановлением Всероссийского Съезда Советов, в 1929 году в Конституцию РСФСР 1925 года была внесена существенная поправка. Ее содержание раскрывалась в статье 4 и выражало противоречие

относительно неравноправия по отношению к религиозным гражданам. В период существования советской эпохи религиозная свобода характеризовалась дисбалансом. Гражданам разрешалось исповедовать свою веру, но активные формы религиозной деятельности, включая проповеди, были строго ограничены. Антирелигиозная же пропаганда была повсеместной и поощрялась, создавая асимметрию в отношении к различным мировоззрениям. Этот антагонизм сохранялся на протяжении большей части советской истории и стал одним из определяющих характеристик взаимоотношений государства и религии в тот период.

Во время власти И. Сталина идеологический контроль сохранялся за всеми сторонами жизни советского гражданина. Конституция СССР 1936 года декларировала базовые демократические свободы, среди которых свобода совести, сохранив ключевые положения предыдущих поправок, включая право на свободу слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций [16].

В сталинское время борьба с инакомыслием была сопряжена с введением в действие механизма ликвидации оппозиции под видом необходимости борьбы с возможным становлением в государстве так называемой «пятой колонны». Дискредитация лидеров оппозиции осуществлялась посредством психологического воздействия на массы, показательными судебными процессами. Лагеря системы ГУЛАГа были переполнены заключенными по политическим статьям. При распространении и насаждении официальных атеистических установок ограничивалась и свобода вероисповедания. Но официально представителями государственной власти транслировалась стабильная гарантия социальных и экономических прав. В 1948 году была принята Всеобщая декларация прав человека, однако делегация СССР по ряду причин отказалась подписывать этот документ.

После смерти Сталина в 1953 году более жесткие и более мягкие периоды в развитии системы сменяли друг друга. При Хрущеве, несмотря на определенное снижение градуса остроты борьбы с инакомыслием в период оттепели, репрессивная политика была ощутимой. Она выражалась в высылке «ненадежных» из страны, уголовных преследованиях, принудительном лечении, травле в прессе. Дисбаланс этого периода выражался, с одной стороны, в определенном улучшении жизни советского общества, а с другой – в пассивности, потребительстве населения [7] и оскудении духа советского общества. По словам П. Эммануэля, советская действительность на деле была «медленным геноцидом души» и ничто не могло уже замаскировать «организованное удушение духа» [26].

С начала 1960-х в СССР развивалось диссидентское

движение, которое охватило советскую интеллигенцию и существенно расширило свои рамки в 1970-х гг. Диссидентство в СССР раскрывалось различными способами. Одна часть представителей диссидентского дискурса отдавала предпочтение публичным демонстрациям, как те, кто был на Пушкинской площади в 1968-м году [8, с. 415.]. Другие были связаны с подготовкой официальных открытых писем советскому руководству, как А. Сахаров и А. Солженицын. Третьи распространяли рукописные копии различных запрещенных комментариев на актуальную тематику (самиздат). Отдельно мы отметим здесь категорию верующих диссидентов, среди которых были как составители официальных писем и обращений, ставшие «неблагонадежными» для страны, к примеру, священники о. Г. Якунин и А. Эшлиман, так и проповедники – Краснов-Левитин, о. С. Желудков, о. А. Мень. К началу 70-х гг. XX века активисты, избравшие такой вариант реализации «советского инакомыслия», как политический либерализм, сконцентрировались на содействии решительной защите свободы выражения мнений и прав человека. Наиболее четко сформулировал и раскрыл их академик А. Сахаров, включившись вместе с единомышленниками в организацию правозащитных групп [10, с. 350 – 353, 356 – 357.].

Советские власти отвечали на диссидентское движение различными репрессивными мерами. Самыми известными из них можно назвать высылку за границу А. И. Солженицына в 1974 году. Писатель отстаивал консервативную идею реализации традиционных русских ценностей и посредством своего творчества настойчиво обращался к официальным представителям светской и религиозной власти. Громким прецедентом стало и дело А. Подрабиника, связанное с методами карательной психиатрии. Этот диссидент вспоминает, что в 1977 году уже после принятия новой Конституции и закрепления очередных гарантий свобод, «КГБ начал действовать жестче» [18].

Журнал «Общественные события», «ХТС», «Континент» и ряд других эмигрантских журналов, – ценные источники по изучаемой нами теме. В них, как и в изданных мемуарах диссидентов, отражена глубина противоречия советской действительности правоприменительного и вероисповедного контекста. Фрагментарно их содержание мы будем приводить далее с целью анализа развития советского дискурса о свободе совести в его «неофициальном» ключе.

О противоречивости практик указанного периода свидетельствуют и тексты литераторов, которые печатались в советской прессе. К примеру, воспоминание члена Союза писателей СССР В. Розова в журнале «Свободная мысль» в полной мере позволяет проникнуться отчаянием советских литераторов того времени из-за несоответствия их деятельности и морального выбора, а вернее, суда, совершаемого по указке власти. Писателя

шокировал процесс того, как дело Синявского и Даниэля «из литературного превратилось в уголовное». Он передал атмосферу абсолютного подчинения литераторов режиму следующими словами: «Не забуду, как нас собрали в Союзе писателей, приехали представители КГБ ... <...>... говорят: как вы, товарищи, считаете, нужно уголовное дело против Синявского и Даниэля или нет? Я не поверил, когда услышал: все «за». Даже те, кого я уважал, да и в памяти сейчас уважаю. Как же были свернуты набекрень мозги у людей! Попробовал «пискнуть» (я-то среди них не такой маститый). Сказал я, что для уголовного дела нет никакого материала, вы разберитесь, не совершите ошибки ... <...>... Самое ужасное – на меня все зашипели... не представители КГБ и прокуратуры, нет, а писатели» [21].

Интересно, как именно в центре литературной российской среды, реализовалось большевистское стремление подчинить печать, которое В. Ленин выражал еще в своих статьях начала 1900-х. Этот момент можно назвать ключевым для перехвата управления общественным сознанием. Ленин считал крайне важным продвинуть и применить принцип партийной литературы для усиления идейного единства. В начале XX века было важно противопоставить «лицемерно-свободной литературе действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу». [Там же, с. 105.]. Борьба за свободу совести в «ленинском» понимании, таким образом, предполагала революционный подход с искоренением самого факта веротерпимости и религиозности, с освободительной борьбой против любых символов самодержавия, в том числе, против свободно мыслящих литераторов. В итоге советскую общественную мысль формировало многолетнее идеологически управляемое текстопроизводство. К концу XX века действенность пропаганды все же начали подрывать и диссиденты, и в дальнейшем, идеологи режима.

По сути, самиздат старался произвести аналогичный перехват в управлении общественной мыслью, но с целями, прямо противоположными ленинским. По словам Людмилы Алексеевой – активного диссидента, и правозащитника – самиздат «оказался единственно возможной формой преодоления государственной монополии на распространение идей и информации» [2, с. 242.] и «возник естественным путем как продукт жизнедеятельности компаний» [3, с. 107.].

В то время как отечественные писатели, по большей части, все еще приспосабливались к повестке, зарубежные авторы, напротив, надеялись на преодоление разрозненности на едином нравственном поприще литературы. Так, к примеру, Юрий Колкер на страницах «Континента» рассуждал о том, как важно признание всех видов русских литератур: подцензурной, зарубежной и машинописной. По его мнению, «огульное от-

рицание первой, русско-советской, литературы так же бессмысленно и бесплодно, как превознесение второй и отпочковавшегося от них обеих поколения современных зарубежных писателей». [14, с. 348 – 350.]

Приведенные выше воспоминания позволяют оценить противоположное отношение к совести: безнадежно-разочарованное с позиции замкнутого СССР и уверенное со стороны ответственных за силу слова – с позиции эмиграции. По словам Е. Барабанова, духовная жизнь не целиком, не полностью была «подчинена велениям из “Центра”» [5].

Также мы солидарны с оценкой момента разрушения советской системы, которую выражает А. Ципко. По его словам, к 1989 году российская интеллигенция в значительной степени отвергла большевистскую революцию, восприняв её как национальную катастрофу и советский строй как глубоко антигуманный и противоестественный. Это привело к полному краху ленинской идеологии в их мировоззрении [25, с. 90 – 91.]

Обратимся к вопросу о том, какие изменения произошли с законодательством о свободе совести к моменту распада СССР. Здесь мы говорим о двух основных направлениях: правовом и общественном. В первую очередь изменения претерпела теоретическая основа. Закон №1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» (от 1 октября 1990 года) стал поворотным моментом. Этот закон гарантировал советским гражданам свободу вероисповедания и религиозных практик, отменяя прежние репрессии и запреты. Государство утратило право поддерживать атеизм, а образовательные учреждения обязались обеспечивать свободу совести на практике. Также за Русской православной церковью и иными религиозными структурами закрепился юридический статус. С 25 октября 1990 года – уже в России – вступил в силу закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Он во многом был идентичен положениям советского закона, но предполагал решение «религиозного вопроса» более радикальными способами. Упразднился Совет по делам религий. Впервые молодым людям предоставлялось право на прохождение срочной службы в формате альтернативной военной службы по религиозным убеждениям.

Религиозным гражданам и организациям с этого момента гарантировалось равенство во всех сферах общественной жизни, включая доступ к СМИ. Хотя религиозные организации и не могли поддерживать политические партии или участвовать в их деятельности, духовенству было разрешено принимать участие в политической жизни страны, это активно отражалось в прессе. Представители духовенства, использовавшие свое право в политической реализации религиозной деятельности, свидетельствовали о существенных недо-

работках и противоречиях в новом законодательстве о свободе совести.

Несмотря на явный прогресс в вопросе обеспечения свободы совести, реализация на практике данных законов не отличалась успешностью в отдельных аспектах. Это было связано, в том числе, с отсутствием полноценного государственного контроля и значительной недоработкой порядка юридической регистрации религиозных организаций. Но в официальной печати начала 1990-х благодаря публикациям мнения экспертов, значительно сглаживались недоработки нового законодательного акта. «Наш закон, – утверждал председатель подкомитета Комитета Верховного Совета СССР по законодательству, Себенцов, – предоставляет право религиозным организациям создавать для религиозного образования учебные заведения и группы, а также проводить обучение в иных формах...<...>... еще недавно у нас отсекались пласты отечественной, мировой культуры, предавались забвению, а то и идеологическому проклятию имена выдающихся мыслителей, деятелей искусства на том основании, что они «пропагандировали» религию. Можно сказать, что закон создает правовые предпосылки для того, чтобы мы стали духовно богаче...» [22]. В то же время Г. Анищенко на страницах «Посева» подчеркивал, что смягчение законодательства о свободе совести вызвало у религиозных организаций ложное ощущение стабильности, затмившее противоречия между союзным и республиканским законодательством: «Если закон РСФСР является действительно демократическим, то союзный документ по многим принципиальным позициям еще не разорвал связь с прежним атеистическим периодом нашей истории» [4, с. 31 – 32.]. Придание религиозным организациям юридического статуса обусловило создание Экспертно-консультативного совета, заменившего прежний Совет по делам религий, что было похоже на восстановление «прежнего бюрократического посредника между религиозными организациями и государством» с целью регулирования отношений верующих с государством [4, с. 33.].

Таким образом, сложности с обеспечением права на свободу совести на практике, сохранялись и после введения законов 1990 г и 1991 г.

2. Религиозный советский дискурс накануне распада советской системы

Печать 1970-х освещала грубые нарушения свободы совести с идеологических позиций. Сообщения о том, как советских инакомыслящих заключают в психиатрические больницы расценивались как клеветнические. Использование официальной позиции церкви в качестве защитного аргумента встречалось повсеместно: «В декабре 1975 года Патриарх Московский и всея Руси Пимен сказал, отвечая на вопросы журналистов: «Я дол-

жен со всей ответственностью заявить, что в Советском Союзе нет ни одного случая, чтобы кого-то привлекали к судебной ответственности или держали в заключении за его религиозные убеждения. Больше того, советское законодательство не предусматривает наказания “за религиозные убеждения”. Верить или нет – личное дело каждого... Социализм впервые решил проблему совести» [1].

Основу взаимоотношений руководства страны и руководства Русской православной церкви много лет определяла жесткая цензура. Следствием этого стало употребление «суконного» советского языка и пропагандистами атеизма, и представителем Русской православной церкви. Поведенческую традицию взаимной лояльности участников дискурса отражают слова Куроедова: «Церковь в соответствии с законодательством о религиозных культурах, имеет необходимые условия для нормальной деятельности по удовлетворению религиозных потребностей верующих... Жизнь подтвердила правильность ленинского курса на отделение Церкви от государства, который позволил обеспечить осуществление подлинной свободы совести в нашей стране» [20].

Церковная позиция абсолютного подчинения еще в 1965 году вызвала у части российского духовенства негативную реакцию. Она проявилась в письме Патриарху священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана [11]. Также позднее в 1972 году, в письме А. И. Солженицына Патриарху Пимену, прозвучали обвинения русской Патриархии в поддержке произвола властей и в репрессиях по отношению к своим же священникам [23, с. 134.].

Деятельность советской оппозиции определяло стремление к правильному социализму. В 1960-х годах проявления солидарности среди активистов часто эволюционировали в оппозиционную деятельность. Начав с защиты друзей, они постепенно вовлекались в более активные формы протеста и идеологическую борьбу. Этот процесс вызывал неоднозначную реакцию общества. Большинство советских граждан воспринимало диссидентов как что-то неважное, не заслуживающее внимания; с точки зрения этого советского большинства, диссиденты ставили под угрозу «нормальную жизнь» как таковую.

В процессах над диссидентами широко применялась 70 статья принятого при Хрущеве Уголовного кодекса, которая определяла состав их преступлений как агитацию или пропаганду [8, с. 415 – 416.]. О регулярной несправедливости властей писали, к примеру, в «Хронике текущих событий», которая вышла в свет в Год прав человека – 1968. На первом месте в публикациях «ХТС» стояли свобода слова и печати, свобода вероисповедания, на втором – вопрос о прекращении насильственной и незаконной госпитализации лиц, признанных «общественно-

опасными» и «психически больными». То есть «редактирование» советской действительности производилось все более жесткими методами, что не могло не повлиять на развитие дискурса. В выпуске «ХТС» от 30 апреля 1969 года находим описание ареста Виктора Кузнецова, работника Агентства печати «Новости», которого принудительно отправили в психиатрическую больницу на 2 месяца за участие в дискуссии на тему «Проблема свободы в современном мире». Впоследствии он подвергся обыску и аресту из-за обнаружения обширной библиотеки самиздата. В том же выпуске свобода совести упоминается в связи с преследованиями священников-униатов, а ее нарушение отмечается «вопреки Конституции СССР, гарантирующей свободу совести» [17].

Задokumentированные нарушения свободы совести в Литве в 1972 году, включая принуждение к публикации опровержения заявлений верующих, демонстрируют искаженное понимание свободы совести. Распространение информации о преследованиях через западные СМИ, особенно благодаря «Хронике», вынудило советские власти признать неспособность скрыть информацию о репрессиях [2, с. 215.].

Юридические коннотации позволили «диссидентской модели» свободы совести служить гарантом активной работы над ситуацией и стимулом общественного выбора, сталкивать множество людей из разных слоев дискурса. Можно сказать, что главным стремлением диссидентов в отношении религиозных свобод, была задача переломить многолетнюю ситуацию, в которой «будучи гарантируемы законом, эти свободы только законом и ограничиваются» [9].

К концу 1980-х советские аналитики признали, что Конституция 1977 года при решении религиозного вопроса не смогла преодолеть «инерцию» прошлых лет. Но при руководстве М.С. Горбачева в СССР открылась новая веха в трансформации права на свободу совести в СССР. Емко характеризуют данное явление авторы статьи «При Горбачеве Церкви дали свободу и не потребовали ничего взамен» [6]. 29 апреля 1988 Горбачев встретился в Кремле с патриархом Пименом и членами Синода года для обсуждения тысячелетия введения христианства на Руси и заговорил о более терпимом отношении к религии в интересах национального единства. Советский лидер пообещал, что разрабатываемый закон о свободе совести предоставит верующим более широкую защиту для исповедания своей веры.

Но кроме положительных изменений, в позднесоветский период обнаружились духовно-нравственные проблемы. Мы соглашаемся с категоричностью А. Ципко, который называет 1989 год началом гибели советской системы [25, с. 90.] По свидетельству бывшего архитектора перестройки, Русская Православная Церковь претер-

пела трансформацию. Несмотря на свой первоначальный антимарксистский настрой, она адаптировалась к советскому режиму. Это привело к созданию «советской православной церкви», института, который функционировал в рамках политических реалий того времени. К началу 1990-х годов, с наступлением Перестройки, эта трансформация стала очевидной. К началу 1993 года, по мнению наблюдателей, духовное руководство церкви демонстрировало отход от традиционных религиозных ценностей [Там же, с. 138 – 139.]. В религиозном дискурсе исследуемого периода сформировалась реакция на выраженный дефицит духовности и не удовлетворительные условия для полноценной реализации свободы совести в стране.

3. Протестная активность диссидентов в области религиозной свободы

Очевидно, что наиболее желательным результатом для участников «неофициального» дискурса было массовое переосмысление термина «свобода совести» в рамках общего изменения гражданских свобод и активное включение СССР в международный дискурс о правах и свободах человека. Значительной здесь оказалась и деятельность Комитетов защиты прав верующих: 30 декабря 1976 г. о. Г. Якунин создал Христианский Комитет защиты прав верующих, а 13 ноября 1978 г. в Литве был создан Католический Комитет Защиты Прав Верующих.

Власти рассматривали эмигрантскую периодику как провокацию, подрывающую авторитет СССР. Предпринимались попытки дискредитации журналов через пропаганду. К примеру, в советских СМИ «Посев» (1974 г. – кон. 1990-х, ГДР) пытались представить как печатный орган, предназначенный для распространения клеветы на советскую действительность. Журнал «Континент» (1972 – 1997 гг., Париж) создавал пространство для диалога о судьбах России и её культурного наследия и воспринимался как важная и необходимая платформа для свободного обсуждения русской идентичности, его материалы массово распространялись в кругах самиздата. Журнал «Беседа» (1975 – 1997 гг., Париж) активно создавал более широкую гуманитарную и правозащитную сеть как среди эмигрантов, так и внутри СССР. Рижский журнал «Даугава» был своего рода мостом между различными поколениями эмигрантов, находящимися в разных странах. Начиная с 1922 года, в нем особое внимание уделялось вопросам идентичности эмигрантов, их отношения к новой политической действительности и поиску своего места в мире. Издавался до 1991 года в Латвийской ССР, далее – до 2007 года.

Из ряда этих источников выделим интервью с ректором богословского факультета в Белграде о. богословом Атанасием (Евтичем). По мнению о. Атанасия, на фоне

случаев насильственного помещения «в психушку» и других репрессивных мер, наивно считать, что верующие при социализме равноправны с неверующими. Гонения против молодых людей за их веру осмысляются здесь с позиции оценки социализма как глубоко не гуманной системы, в которой «любое религиозное чувство квалифицируется как болезнь» [12]. Подобная правда о социализме еще в начале 70-х звучала на страницах «ХТС»: «В праве свободно мыслить отказано в СССР во имя социализма, о котором уже никто не думает, поскольку думать запрещено... цензура и полиция запрещают верующим молиться, философам думать, а писателям творить» [26]. Эта правда была обнажена спустя два десятилетия, когда закат социалистического государства был неминуем. Но до начала соответствующих трансформаций в духовной атмосфере, по слову Солженицына, все вероисповедания были «сжаты душащей петлёй» [24].

Заключение

С конца 1980-х, с расцветом гласности, общественность переоценивала привычную, зашоренную советскую реальность. Были официально реабилитированы многие деятели культуры, чье творчество обрело мировую значимость. С принятием Закона РСФСР «О свободе совести и религиозных организациях» и сопряженного с ним акта «О свободе вероисповеданий» в 1990 году, религиозные общины были наделены официальным юридическим статусом. Это законодательное решение установило правовой базис для деятельности религиозных групп в условиях новой политической системы. При этом возник ряд противоречий второго закона с текстом Конституции РСФСР. Поэтому процесс совершенствования статей, касающихся вопроса свободы совести, продолжался до декабря 1993 года, когда принятие новой Конституции стало началом «формирования международно-правового уровня законодательства Российской Федерации о свободе совести» [13, с. 102.]. Этот этап можно рассматривать как важный шаг на пути к установлению в РФ правового государства, где свобода вероисповедания гарантируется на конституционном уровне. Однако, даже после принятия новой Конституции, практическая реализация принципа свободы совести продолжала сталкиваться с проблемами, которые требовали дополнительной законодательной и институциональной работы. Как видим, законодательные изменения в сфере свободы совести в начале 1990-х годов отражали длительный и сложный процесс преобразования российского общества и его правовой системы. Позднесоветский опыт показывает, насколько важным является настойчивое отстаивание своих прав и свобод. На основании исторического опыта можно заключить, что формальные гарантии прав необходимы, но недостаточны, и активная гражданская позиция необходима в вопросе обеспечения свободы совести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, И. О свободах подлинных и мнимых // Правда. 27 фев. 1976. № 51. С. 3 - 4.
2. Алексеева, Л.М. История инакомыслия в СССР. М.: Изд. Весть, 1992. 352 с.
3. Алексеева, Л.М., Голдберг, П. Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006. 430 с.
4. Анищенко, Г. «А вот демократию должны спасти мы сами» // Посев. 1991. № 3. С. 31-32.
5. Барабанов Е. Раскол церкви и мира // Из-под глыб. URL: <https://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/08.html>.
6. Брагин, К., Супонев И. При Горбачеве Церкви дали свободу и не потребовали ничего взамен. - URL: <https://www.miloserdie.ru/article/pochemu-gorachev-razreshil-cerkov>.
7. Вельможко И.Н. Социальные трансформации в период «Хрущевской оттепели» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. № 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-transformatsii-v-period-hrushevskoy-ottepeli>.
8. Верт, Н. История Советского государства 1900 - 1991. М.: Изд.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
9. Вольпин, А.С. Международный Пакт о гражданских и политических правах и советское законодательство // Общественные проблемы. М.: Март-апрель 1971. Вып. 10. С. 40 - 45.
10. Горелик, Г.Е. Андрей Сахаров. Наука и свобода. М.: Изд «Молодая гвардия», 2010. 447 с.
11. Данилушкин, М. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Том 1. 1917-1970. СПб.: Воскресение, 1997. С. 944 - 981.
12. Интервью с ректором богословского факультета в Белграде о. Атанасием (Евтичем) // Беседа. Религиозно-философский журнал. Ленинград - Париж: № 2, 1984. С. 220.
13. История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985 - 1999 гг. / Под общ. ред. А. П. Торшина (В. А. Бабинцев, Е.Н. Житник, М.И. Одинцов, А.Е. Себенцов). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 228 с.
14. Колкер, Ю. Порядок вещей. / Континент 1986. Париж, Издательство «Континент». № 48. С. 348 - 350.
15. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. - URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>.
16. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями). - URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>.
17. Новые преследования священников-униатов // Хроника текущих событий. Вып. 7. 30 апр. 1969. - URL: <http://hts.memo.ru>.
18. Подрабинек, А. Диссиденты // Знамя, 2013 № 11. - URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/11/7p.html>.
19. По этапам развития атеизма в СССР. Ленинград: Изд. «Наука», 1967. 331 с.
20. Приветствие от имени Советского Правительства председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедова // Журнал Московской Патриархии: Москва, 1971. № 5. С. 4.
21. Розов, В. Духовно выжить / Свободная мысль, М.: Издательство «Пресса», 1992. №17. С. 98 - 99.
22. Себенцов, А. За строкой закона // Наука и религия. М.: Изд. «Знание», 1991. № 1. С. 2-4.
23. Солженицын, А.И. Всероссийскому Патриарху Пимену великопостное письмо. / Публицистика: В 3 т. Т. 1. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Том 1: Статьи и речи. 1995. 720 с.
24. Солженицын, А.И. Коммунизм к брежневскому концу. Статья для газеты «Йомиури». // Посев. 1983. № 1. С. 18 - 19.
25. Ципко, А. Перестройка как русский проект. Советский строй у отечественных мыслителей в изгнании о судьбе. Изд. «Алгоритм», 2014. 544 с.
26. Эммануэль, П. Дополнительные материалы по поводу исключения А.И. Солженицына из Союза советских писателей // Хроника текущих событий. Вып. 12. 28 фев. 1970. - URL: <https://hts.memo.ru/chr12.htm>.

© Алексина Арина Константиновна (mandarinkas13@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»